

УДК 94 (470+476) “2000/2005”:327.7
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-2-438-446
EDN OFOPKZ
Оригинальное исследование

Россия – Белоруссия: практика создания монетарного союза (2000–2005 гг.)

Веревкина Ю.И.

Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: verewkina2403@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу политики интеграции России и Белоруссии в рамках Союзного государства в валютной сфере. Выявлены и охарактеризованы подходы сторон по вопросам формирования монетарного союза в начале XXI в. Особый акцент сделан на анализе факторов, в силу которых мероприятия в рамках валютной интеграции в рассматриваемый период не были выполнены, а монетарный союз России и Белоруссии не состоялся. Утверждается, что основной объем противоречий между союзными странами возникал ввиду несовпадения оценок относительно специфики организации и функционирования единого эмиссионного центра. С точки зрения Белоруссии, функции единого эмиссионного центра должен был выполнять Союзный центральный банк, что, однако, шло вразрез с российским подходом. Сделан вывод, что валютная интеграция, не получив развития, повлияла на общую направленность интеграционного процесса России и Белоруссии как двух суверенных государств, что опиралось на правовой фундамент, заложенный в предыдущий период.

Ключевые слова: Союзное государство, валютная интеграция, единая валюта, постсоветское пространство

Финансирование: Работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Веревкина Ю.И. 2026. Россия – Белоруссия: практика создания монетарного союза (2000–2005 гг.). *Via in tempore. История. Политология*, 53(2): 438–446. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-438-446. EDN: OFOPKZ

Russia – Belarus: The Practice of Creating a Monetary Union (2000–2005)

Yuliya I. Verevkina

Kursk State University,
33 Radishchev St., Kursk 305000, Russia
E-mail: verewkina2403@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the policy of integration of Russia and Belarus within the framework of the Union State in the monetary sphere. The approaches of the parties to the formation of a monetary union in the early 21st century are identified and characterized. Special emphasis is placed on the analysis of the factors that prevented the implementation of measures within the framework of monetary integration during the period under review, which was why the monetary union between Russia and Belarus did not take place. It is argued that the main source of disagreements between the Union countries was the divergence of opinions regarding the specifics of the organization and functioning of a single issuing center. From the point of view of Belarus, the functions of a single emission center were to be performed by the Union Central Bank, which, however, was contrary to the Russian approach. It is concluded that the lack of development of currency integration influenced the overall direction of the integration process between Russia and Belarus as two sovereign states, which was based on the legal foundation established in the previous period.

Keywords: Union State, currency integration, single currency, post-Soviet space

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Verevkina Yu.I. 2026. Russia – Belarus: The Practice of Creating a Monetary Union (2000–2005). *Via in tempore. History and political science*, 53(2): 438–446 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-2-438-446. EDN: OFOPKZ

Введение

Отношения России и Белоруссии постсоветского периода развиваются с учетом фактора интеграции. Подобная практика, являясь взаимовыгодной, предполагает широкую межгосударственную кооперацию в самых разнообразных сферах – от экономики до военно-оборонного сотрудничества. Период начала 2000-х гг. оказался временем, когда закладывалась институциональная основа Союзного государства, шел процесс апробации форм и направлений интеграционного взаимодействия России и Белоруссии. В то же время, несмотря на стратегический характер партнерства, интересы двух стран совпадают не по всем направлениям и, как показывает логика развития российско-белорусского диалога рассматриваемого периода, зачастую могут вступать в явные противоречия.

Объект и метод исследования

Объектом исследования настоящей статьи выступила интеграционная политика России и Белоруссии рассматриваемого периода, проводившаяся в направлении создания двустороннего монетарного союза. В свою очередь, предметом исследования являются специфика и факторы, обуславливающие практику валютной интеграции двух стран на начальной стадии реализации Союзного договора 1999 г.

Методологической основой исследования явился комплекс базовых принципов исторической науки – историзм, научная объективность, системность. Принцип историзма позволил изучить вопросы, исследуемые в работе, в их конкретно-исторической обусловленности, развитии и соотношении с другими событиями международной жизни. Принцип научной объективности способствовал выявлению объективной картины того, как складывались отношения Российской Федерации с Республикой Беларусь в области союзного строительства; принцип системности, подразумевающий анализ международных явлений с точки зрения их системной взаимосвязи, сделал возможным из отдельных фрагментов изучаемой проблемы вывести общую картину, сформулировав необходимые выводы и обобщения.

Результаты и их обсуждение

Подписание в декабре 1999 г. Договора о создании Союзного государства между РФ и РБ потребовало исполнения сторонами взятых на себя обязательств в области союзного строительства. Президент России В.В. Путин формировал новые подходы к белорусскому направлению внешней политике страны. С начала 2000-х гг. в диалоге с Белоруссией все отчетливее звучали идеи проведения инвентаризации всего комплекса российско-белорусских отношений, исключая из практики взаимоотношений России и Белоруссии неопределенность, на чем ранее уже делался акцент [Белорусско-российские отношения..., 2000, с. 53; Снапковский, 2001].

Политические перемены, произошедшие в России на рубеже столетий, стали для руководства Белоруссии неожиданными [Снапковский, 2001]. Изменения в руководящих структурах РФ стали восприниматься как возможность придать российско-белорусским отношениям новый импульс [Годин, 2001, с. 37; Шарапо, 2006, с. 15; Коктыш, 2012, с. 83]. Представители политических элит России и Белоруссии не были удовлетворены результатами союзного строительства предшествующего периода и неоднозначными результатами интеграционной политики 1990-х гг. В этом их поддерживали представители академического сообщества [Годин, 2001, с. 56; Карбалевич, 2002, с. 83; Уилсон, 2012, с. 115].

Тем не менее о реализации Союзного договора и его важнейших составляющих, в частности валютной интеграции, говорили как о важнейшей государственной задаче, делая акцент на

необходимость укрепления российско-белорусского тандема и развитие союзного строительства¹²⁰. Так, в январе 2000 г. А.Г. Лукашенко выступил с заявлением, в котором отмечалось, что Белоруссия была и остается союзником России, выразив уверенность в том, что «новое российское руководство продолжит линию на развитие интеграции между Беларусью и Россией» [Заява Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, 2000]. В этом же ключе, но с несколько иными акцентами высказывался и российский президент, говоря о том, что политика России в отношении интеграционных процессов в СНГ должна быть более «четкой, динамичной и целенаправленной».

В июне 2000 г. была принята новая Концепция внешней политики РФ, в которой рыночные принципы объявлялись условием подлинно равноправных отношений с республиками бывшего СССР, в том числе с Белоруссией. В концепции отмечалось, что Россия стремится к «разноскоростной и разноуровневой интеграции в рамках СНГ». При этом первостепенной задачей называлось «укрепление Союза Беларуси и России как высшей на данном этапе формы интеграции двух суверенных государств» [Концепция внешней политики России, 2000].

Политическое руководство России и Белоруссии осознавало высокую значимость союзного проекта. В России при обсуждении вопросов будущих процессов интеграции с РБ планировали начинать «строительство Союзного государства с «чистого листа», с учетом «сделанных ошибок и перекосов» [Киринциянов, 2000, Vogetic, 2006].

В начале 2000-х гг. актуальными оставались вопросы принятия Конституционного акта как документа, определяющего форму и институциональные параметры Союзного государства, создание валютного союза и обеспечения равных условий для субъектов хозяйствования обеих стран [Суздальцев, 2007, с. 305; Иноземцев, 2012, с. 110]. Эти и другие вопросы союзного строительства в тот период «занимали важное место в двусторонних отношениях» [Лихачев, 2010, с. 13; Русакович, 2019, с. 29]. Действительно, союзный проект находился в зачаточном состоянии, и требовалось еще много сделать в плане его формирования [Vguse, 2002]. Однако сдерживающим фактором, как нередко высказывались об этом в Парламентском собрании Союза России и Беларуси, оставались «туманность положений Союзного договора», его «противоречивая и малоэффективная концепция» [Киринциянов, 2000; Карбалевиц, 2010, с. 154]. Отсутствовала ясность и в понимании механизма объединения России и Белоруссии, а формулировки, декларативные положения союзного договора не могли дать ясных ответов [Лихачев, 2010, с. 12; Davidonis, 2001].

Ретроспективный анализ позволяет говорить о наличии недопонимания между Россией и Белоруссией в вопросах продвижения по пути союзного строительства: если в РФ превалировала идея государственного воссоединения, что, несомненно, изменило бы геополитический ландшафт в регионе [Суздальцев, 2006; Шарапо, 2006, с. 16; Forbrig et al., 2010, p. 11], то в Белоруссии, напротив, абсолютизировалась ценность суверенного статуса. Интеграционный проект рассматривался ими сквозь призму экономики, безопасности и устойчивости собственного государства в современной системе международных отношений [Годин, 2001, с. 23; Русакович, 2019, с. 29].

Тем не менее в начале нового тысячелетия политико-государственное руководство обеих стран стремилось запустить процессы союзной интеграции, апробировать механизм действия созданных органов российско-белорусского объединения. Важным на том этапе было упорядочить работу высших органов Союза – Высшего Государственного Совета, Совета Министров, Постоянного комитета Союзного государства, а также разработать и принять документы, которые бы регламентировали порядок их деятельности [Лазарь, 2000].

Помимо формирования институциональных основ Союзного государства важнейшим направлением интеграционной политики являлось взаимодействие в сфере создания единого экономического пространства. 16 апреля 2000 г. в ходе официального визита в Белоруссию Президент России заявил, что «никакие планы оборонного, политического характера не могут

¹²⁰ В данном случае показательным моментом явился факт обмена 26 января 2000 г. президентами России и Белоруссии ратификационными грамотами, после чего договор о создании Союзного государства вступил в законную силу.

быть реализованы на зыбком фундаменте экономики». Одновременно российское руководство высказывалось о создании новой полноценной экономической организации с эффективным механизмом для стран СНГ, готовых к формированию в регионе единого экономического пространства [Интеграционный опыт..., 2000; Marples, 2008, p. 29]. Как результат – подписание 10 октября 2000 г. в Астане Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества, ставившего своей задачей создание единого экономического пространства в регионе, стало важным достижением российской дипломатии [Marples, 2008, p. 34].

В России рассчитывали перезапустить процессы интеграции с Белоруссией посредством валютной интеграции [Way, 2005, p. 244].

Вопрос о формировании монетарного союза России и Белоруссии стоял уже давно: в сентябре 1993 г. правительством В.Ф. Кебича было подписано межгосударственное соглашение «Об объединении денежной системы РБ с денежной системой России». Предполагалось достичь такого уровня унификации законодательных актов в валютной и иных смежных сферах, при которой российский рубль, имитируемый Центральным банком России, стал бы использоваться и на территории Белоруссии. В соглашении указывалось, что стороны берут на себя обязательство до 1 января 1994 г. «создать необходимые предпосылки для объединения денежных систем Республики Беларусь и Российской Федерации на основе российского рубля» [Соглашение об объединении..., 1993]. Предполагалось, что до «фактического объединения денежных систем на территории Белоруссии наряду с российской денежной единицей будут использоваться расчетные билеты и белорусского Национального банка». При этом режим единой рублевой зоны, как это следовало из документа, предполагал, помимо использования российского рубля на территории двух стран, еще и беспрепятственный перевод денежных средств между банками всех государств-участников рублевой зоны, единые правила валютного регулирования, а также единый курс рубля по отношению к валютам третьих стран [Там же].

Однако до реализации договоренности в силу ряда обстоятельств дело не дошло. Некоторые исследователи в этой связи обращали внимание на чисто конъюнктурный характер договоренности, связывая ее со стремлением В.Ф. Кебича заручиться поддержкой Москвы на предстоящих президентских выборах [Карбалевич, 2002, с. 85]. На наш взгляд, важен факт наличия документа, что подтверждает планы создания двустороннего союза, в том числе в денежно-кредитной сфере. В Европе тогда тоже активно прорабатывались вопросы валютной интеграции, что подтверждает необходимость шагов в данном направлении. Единая валюта после распада СССР могла упростить решение многих задач интеграции в новых условиях, в том числе между Россией и Белоруссией.

Вопрос о запуске валютной интеграции стал предметом обсуждения органов Союзного государства в течение всего 2000 г. 30 ноября 2000 г. на заседании Высшего Государственного Совета президентами РФ и РБ было подписано специальное межгосударственное соглашение «О введении единой денежной единицы и формировании единого эмиссионного центра Союзного государства». С 1 января 2005 г. национальные валюты должны были быть заменены российским рублем. Переход к общей валюте Союзного государства был предусмотрен с 1 января 2008 г.

Одновременно сторонами были намечены определенные мероприятия для того, чтобы облегчить процесс валютной интеграции: Белоруссия брала обязательство обеспечить удержание темпов девальвации национальной валюты по отношению к российскому рублю в пределах 2,5–3 % в среднем в месяц, Россия – предоставить белорусской стороне кредит в 100 млн долл. на урегулирование вопросов в сфере двусторонней торговли [Крят, 2001]. Однако на практике, по мере того как стороны пытались продвинуться в реализации соглашения, объем недопониманий между Россией и Белоруссией только нарастал. Белоруссия, не имея возможности предлагать введение белорусского рубля в качестве единой валюты [Эмиссия: Беларусь предлагает..., 2001], большое внимание уделяла созданию единого эмиссионного центра.

В Национальном банке Беларуси исходили из того, что «частичная потеря суверенитета должна быть обоюдной», следовательно, она должна коснуться и России. Подход Белоруссии

в отношении создания эмиссионного центра заключался в том, чтобы в Союзном государстве функции единого эмиссионного центра выполнял Союзный центральный банк, которому центральные банки двух стран делегировали бы свои полномочия по проведению денежно-кредитной политики [Там же]. На первом этапе, по мнению белорусской стороны, роль такого высшего союзного банка мог бы выполнять Межбанковский валютный совет, который был создан еще в ноябре 1999 г. в целях экономической и валютной интеграции России и Белоруссии. Одновременно Председатель правления Национального банка Беларуси П. Прокопович неоднократно обращал внимание, что «окончательное решение вопроса будет зависеть от хода экономического процесса в Беларуси и России» в 2001–2005 гг.» [Крят, 2001]. Причем, как хорошо известно, Белоруссией допускалась возможность заключения нового пакета соглашений в области создания монетарного союза. К осени 2001 г. белорусская позиция была дополнена идеей соизмерения процесса валютной интеграции «с общей скоростью союзного строительства» [Попов, 2001].

В качестве возможного варианта специалистами Национального банка Беларуси рассматривалась также американская модель, когда наряду с центральным банком существует несколько эмиссионных центров более низкого ранга. При этом белорусские представители подчеркивали, что выдержать баланс интересов при реализации такого подхода будет несложно: Центральный банк Союза станет определять годовую эмиссию для сторон, например, в пределах 3 %, а Национальные банки – придерживаться этого параметра с учетом объема российского и белорусского ВВП [Единый рубль..., 2001]. В целом указывалось, что формирование эмиссионного центра и создание единой денежной единицы в Союзном государстве не должны происходить в спешке, тем более что «экономики Беларуси и России могут функционировать в синхронном режиме сколь угодно долго и без введения единой валюты» [Там же].

Очередной этап интенсивного обсуждения проблемы, как известно, пришелся на 2002–2004 гг., когда в августе 2002 г. по поручению президента В.В. Путина Правительством и Центральным Банком России были разработаны предложения по ускоренному введению с 1 января 2004 г. российского рубля как единой денежной единицы Союзного государства. В частности, одной из важнейших составляющих пакета предложений, подготовленного Россией, являлось положение, предусматривающее, что Национальный Банк Белоруссии остается в качестве главного банка страны. При этом также было предусмотрено, что он не сможет заниматься эмиссией денежных знаков и выдачей кредитов государственным органам и предприятиям республики [Один рубль на двоих, 2002]. Иными словами, Белоруссии пришлось бы отказаться от собственной экономической политики, приняв соответствующую юрисдикцию Москвы.

В это время как в России, так и Белоруссии наблюдалось явное неудовлетворение тем, как развивался процесс союзной интеграции в валютной сфере [Woehrel, 2010, p. 352]. В сентябре 2002 г. президентом России было направлено послание главе белорусского государства по концептуальным вопросам союзного строительства, в котором также содержалось напоминание, что российская сторона ожидает ответ на переданные Белоруссии комплексные предложения России от 14 августа по ускорению введения единой денежной единицы [Россия предлагает..., 2002].

Последовательность во взглядах руководства России относительно процесса создания монетарного союза с Белоруссией, в котором в качестве единого эмиссионного центра выступал Центральный Банк России, а также предложение российской стороны ускорить реализацию договоренности о переходе на российский рубль в качестве единой валюты вызывали недовольство официального Минска. При этом с марта 2003 г. белорусское руководство стало связывать переход к единой денежной единицы с принятием Конституционного акта Союзного государства, работа над которым велась параллельно и проходила не менее напряженно, чем обсуждение вопросов формирования монетарного союза. Взаимоотношения Белоруссии и России по вопросам валютной интеграции, по мнению белорусской стороны, необходимо выстраивать с учетом возможного участия других государств региона [Крят, 2003].

Реализовать подобный подход в случае успеха формирования единого экономического пространства в регионе, по мнению Белоруссии, могла помочь модель с системой центральных банков и общим руководящим органом в лице Межбанковского валютного совета. Кроме того, к осени 2003 г. Минск поставил перед Россией вопрос о выплате республике компенсации за введение российского рубля как единственного законного платежного средства на территории Белоруссии. По предварительным расчетам Национального банка Беларуси, потери республики от отказа от собственной валюты и перехода на российский рубль могли составить более 1,9 млрд долларов [Что потеряет..., 2003]. «Самостоятельное решение Беларусью проблем подготовительного периода в оставшийся до введения российского рубля срок», как это следовало из специального заявления Национального банка Беларуси, представлялось крайне «проблематичным» [Там же].

В России подобные требования белорусской стороны не принимали. 1 октября 2003 г. премьер-министр РФ М. Касьянов заявил буквально следующее: «Я не понимаю, о каких компенсациях в связи с введением рубля идет речь, мы их не подтверждаем» [Батыгин, 2003]. Возможно, подобная позиция руководства России была продиктована не только соображениями экономии государственных средств, но и некоторыми обстоятельствами политического характера. В вопросах валютной интеграции сложилось недоверие, чему способствовали и заявления руководства Белоруссии, общий смысл которых сводился к тому, что «дата введения российского рубля на территории республики как законного платежного средства с 1 января 2005 г. не является безусловной».

В разгар дискуссии о переходе на российский рубль в июне 2003 г. была достигнута договоренность между Белоруссией и Украиной о расширении использования национальных валют в расчетах между двумя государствами [Белорусский Колобок, 2003], что не соответствовало переходу Союзного государства на российский рубль. Ряд белорусских изданий, характеризуя действия руководства собственной страны, сравнивали их с тактикой «колобка»: «...нынешняя ситуация позволяет Минску эксплуатировать все выгоды интеграционной риторики, не отягощая себя обязательствами» [Там же].

В итоге, несмотря на то что вопрос о введении единой валюты в качестве единственного законного платежного средства был включен в повестку заседания Октябрьского заседания Совета Министров Союзного государства, окончательное решение по нему не было принято. На заседании Совета Министров Союзного государства в феврале 2004 г. также не удалось договориться о введении российского рубля с 1 января 2005 г. Позже Минское правительство заявило, что не отказывается от планов валютной интеграции с Россией, но «...для этого пока не созданы необходимые экономические и политические предпосылки» в виде равных условий субъектов хозяйствования и принятия Конституционного акта Союзного государства, в котором нашли бы отражения вопросы, касающиеся самого союзного государства и таких его важнейших компонентов, как единая валюта и единый эмиссионный центр [Беларусь не видит..., 2004].

Таким образом, белорусская сторона, подписав в ноябре 2000 г. соглашение о едином эмиссионном центре и введении единой валюты, стала откладывать решение этих вопросов на неопределенное время.

Причиной могла стать проблема определения цены на природный газ для белорусского потребителя: на «ялтинской встрече» в августе 2000 г. президент России высказался, что «за российский газ следует платить даже друзьям». Данное заявление было воспринято крайне негативно.

Кроме того, отказ от суверенитета в такой важной области, как денежно-кредитная сфера, вряд ли представлялся желательным для белорусской стороны. Опыт российско-белорусского диалога 2000–2006 гг., когда две страны безуспешно вели сложнейшие переговоры по данной проблематике, является ярким подтверждением [Харитонова, Шебанов, 2025, с. 173].

Формирование монетарного союза напрямую было связано с процессом либерализации белорусской экономики, в которой на тот момент сохранялась государственная монополия. Позиция российского руководства заключалась в желании реформировать модель социально-экономического устройства Белоруссии по примеру России. Подобный подход, вызывая

несогласие белорусской стороны, приводил к противоречиям в российско-белорусских отношениях [Русакович, 2019, с. 34].

Заключение

В результате процесс формирования монетарного союза, едва начавшись, зашел в тупик, показав несовпадение взглядов участников на союзное строительство. Российская сторона в стремлении реформировать постсоветское пространство через создание альтернативных и более эффективных интеграционных объединений (ЕврАзЭС, ЕЭП) в регионе, где важное место отводилось российско-белорусскому тандему, смогла сохранить проект Союзного государства. Переход на единую валюту не состоялся, но обоюдное желание сохранить взаимодействие позволило сосредоточить усилия на других направлениях – торгово-экономическое сотрудничество, укрепление межрегиональных связей, контакты в гуманитарной и оборонной сферах [Харитоновна, Шебанов, 2025, с. 175], а значит, повлияло на формирование реального базиса Союзного государства, что имеет значение в отстаивании его позиций в современной системе международных отношений.

Список источников

- Батыгин А. Рубль в пакете. *Российская газета. Союз Беларусь-Россия*. 2003. 3 октября.
Беларусь не видит экономических предпосылок для введения единой валюты с Россией. *Белорусская деловая газета*. 2004. 13 апреля.
Белорусский Колобок. *Белорусская деловая газета*. 2003. 17 июня.
Единый рубль: между Сциллой и Харибдой. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2001. 5 апреля.
Интеграционный опыт Беларуси и России востребован в Азии. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2000. 20 декабря.
Киришнянов Ю. Евразийский проект: от идеи к практике. *Российская газета*. 2000. 10 октября.
Крят Д. Единая союзная валюта – это настоящая денежная реформа для Беларуси. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2001. 11 января.
Крят Д. Пример Евросоюза доказывает. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2003. 13 марта.
Лазарь Л. Это только начало. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2000. 14 декабря.
Один рубль на двоих. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2002. 29 августа.
Попов В. Встречное движение: день за днем. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2001. 24 октября.
Россия предлагает три варианта дальнейшего объединения с Беларусью. *Российская газета. Союз Беларусь – Россия*. 2002. 5 сентября.
Соглашение об объединении денежной системы Республики Беларусь с денежной системой Российской Федерации. 1993. 8 сентября. Министерство иностранных дел РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48394/ (дата обращения: 28.10.2025)
Что потеряет Беларусь, получив российский рубль? *Белорусская деловая газета*. 2003. 30 сентября.
Эмиссия: Беларусь предлагает создать наднациональный единый эмиссионный центр Союзного государства. *Белорусская деловая газета*. 2001. 5 марта.
Концепция внешней политики Российской Федерации. 2000. 28 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 28.10.2025)
Заява Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. *Звязда*. 2000. 4 студзеня

Список литературы

- Белорусско-российские отношения. Проблемы и перспективы: Материалы 2-го «круглого стола» белорусских и российских ученых. 2000. Минск, Белорусский государственный университет. 172 с.
Годин Ю.Ф. 2001. Россия и Белоруссия на пути к единению: проблемы экономической безопасности Союзного государства. Москва, Международные отношения. 304 с.
Иноземцев В.Л. 2012. Национальные интересы России на постсоветском пространстве: в чем они состоят и какими должны быть? *Россия и современный мир*. 3: 108–121.
Карбалевич В.И. 2002. Парадоксы белорусско-российской интеграции. *Современная Европа*. 8: 83–88.
Карбалевич В.И. 2010. Александр Лукашенко: политический портрет. Москва, Партизан. 720 с.

- Коктыш К.Е. 2012. Вечно живой призрак. *Россия в глобальной политике*. 1: 80–87.
- Лихачев А.Е. 2010. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана: история, современный этап и перспективы развития. *Российский внешнеэкономический вестник*. 6: 4–23.
- Русакович А. 2019. Союзное государство Беларуси и России: опыт и уроки политических дискуссий в начале 2000-х гг. *Журнал международного права и международных отношений*. 2019. 1–2: 29–36.
- Снапковский В.Е. 2001. Белорусско-российские отношения на рубеже столетий (1999–2001). *Белорусский журнал международного права и международных отношений*. 2: URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-2/2001-2-snapkovski> (дата обращения: 28.10.2025).
- Суздальцев А.И. 2007. Проблемы российско-белорусской экономической интеграции в рамках Союзного государства России и Белоруссии. *Безопасность Евразии*. 3: 300–319.
- Суздальцев А.И. 2006. Постсоветское пространство: лимитрофы XXI века. *Журнал Института Восточной Европы «Прогнозис»*. URL: http://www.prognosis.ru/news/asng/2006/9/18/putin_russia_sng.html (дата обращения: 20.10.2025).
- Уилсон Э. 2012. Между двумя совершеннолетиями. 20 лет независимости: чему научились? *Россия в глобальной политике*. 1: 113–126.
- Харитонов Н.И., Шебанов А.В. 2025. Интеграционные стратегии Союзного государства России и Беларуси: практика политического взаимодействия. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. Т. 19. 2: 169–179.
- Шарапо А.В. 2006. Внешняя политика Республики Беларусь на современном этапе. *Вестник БГУ. Сер. 3. История. Философия. Политология. Психология. Экономика. Право*. 3: 15–22.
- Bogetic Z. 2006. Inflation and the Monetary Transmission Mechanism in Belarus, 1996–2000. *International Research Journal of Finance and Economics*. Issue 1. URL: www.eurojournals.com/. (accessed: May 25, 2025)
- Bruce C. 2002. The Gas Factor in Russian-Belarusian Relations. URL: www.demstar.dk/papers/Belarus/. (accessed: May 25, 2025)
- Davidonis R. 2001. The Challenge of Belarus, and European Responses. *Institute for Security Studies Western European Union*. July. URL: www.demstar.dk/papers/Belarus/ (accessed: May 25, 2025)
- Forbrig J., Lindner R., Marples D., Moshes A. 2010. Fall Belarus. Analysen, Interpretationen, Konsequenzen. *Osteuropa*. 12: 5–22.
- Marples D. 2008. Is the Russia-Belarus Union Obsolete? *Problems of Post-Communism*. Vol. 55(1): P. 25–35.
- Way L. 2005. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. *World Politics*. Vol 57(2): 231–261.
- Woehrel S. 2010. Belarus: Background and U.S. Policy Concerns. *Russia, China and Eurasia*. Vol. 27(2): P. 347–365.

References

- Belorussko-rossiyskie otnosheniya. Problemy i perspektivy: Materialy 2-go «kruglogo stola» belorusskikh i rossiyskikh uchenykh [Belarusian-Russian Relations. Problems and Prospects: Proceedings of the 2nd Round Table of Belarusian and Russian Scientists]. 2000. Minsk, Belorusskiy gosudarstvennyy universitet. 172 p.
- Godin Yu.F. 2001. Rossiya i Belorussiya na puti k edineniyu: problemy ekonomicheskoy bezopasnosti Soyuznogo gosudarstva [Russia and Belarus on the Way to Unity: Problems of Economic Security of the Union State]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 304 p.
- Inozemtsev V.L. 2012. Natsionalnye interesy Rossii na postsovetskom prostranstve: v chem oni sostoyat i kakimi dolzhny byt? [National Interests of Russia in the Post-Soviet Space: What Are They and What Should They Be?] *Rossiya i sovremennyy mir*. 3: 108–121.
- Karbalevich V. 2002. Paradoksy belorussko-rossiyskoy integratsii [Paradoxes of Belarusian-Russian Integration]. *Sovremennaya Evropa*. 8: 83–88.
- Karbalevich V.I. 2010. Aleksandr Lukashenko: politicheskiy portret [Alexander Lukashenko: A Political Portrait]. Moscow, Partizan. 720 p.
- Koktysh K.E. 2012. Vечно zhivoy prizrak [The Ever-Living Ghost]. *Rossiya v globalnoy politike*. 1: 80–87.
- Likhachev A.E. 2010. Tamozhennyi soyuz Rossii, Belorussii i Kazakhstana: istoriya, sovremennyy etap i perspektivy razvitiya [The Customs Union of Russia, Belarus, and Kazakhstan: History, Current Stage, and Development Prospects]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. 6: 4–23.
- Rusakovich A. 2019. Soyuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii: opyt i uroki politicheskikh diskussiy v nachale 2000-kh gg. [The Union State of Belarus and Russia: Experience and Lessons from Political Discussions in the Early 2000s.] *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 2019. 1–2: 29–36.

- Snapkovskiy V.E. 2001. Belorussko-rossiyskie otnosheniya na rubezhe stoletiy (1999–2001) [Belarusian-Russian Relations at the Turn of the Century (1999–2001)]. *Belorusskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 2: URL: [https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-2/2001-2-snapkovski\(data obrashcheniya: 28.10.2025\)](https://evolutio.info/ru/journal-menu/2001-2/2001-2-snapkovski(data obrashcheniya: 28.10.2025)).
- Suzdaltsev A.I. 2007. Problemy rossiysko-belorusskoy ekonomicheskoy integratsii v ramkakh Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belorussii [Problems of Russian-Belarusian Economic Integration within the Union State of Russia and Belarus]. *Bezopasnost Evrazii*. 3: 300–319.
- Suzdaltsev A.I. 2006. Postsovetskoe prostranstvo: limitrofy XXI veka [Post-Soviet Space: The Limitrofs of the 21st Century]. *Zhurnal Instituta Vostochnoy Evropy «Prognosis»*. URL: http://www.prognosis.ru/news/asng/2006/9/18/putin_russia_sng.html (data obrashcheniya: 20.10.2025).
- Uilson E. 2012. Mezhdru dvumya sovershennoletiyami. 20 let nezavisimosti: chemu nauchilis? [Between Two Adulthoods. 20 Years of Independence: What Have We Learned?]. *Rossiya v globalnoy politike*. 1: 113–126.
- Kharitonova N.I., Shebanov A.V. 2025. Integratsionnye strategii Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi: praktika politicheskogo vzaimodeystviya [Integration Strategies of the Union State of Russia and Belarus: The Practice of Political Cooperation]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. T. 19. 2: 169–179.
- Sharapo A.V. 2006. Vneshnyaya politika Respubliki Belarus na sovremennom etape [Foreign Policy of the Republic of Belarus at the Present Stage]. *Vestnik BGU. Ser. 3. Istoriya. Filosofiya. Politologiya. Psikhologiya. Ekonomika. Pravo*. 3: 15–22.
- Bogetic Z. 2006. Inflation and the Monetary Transmission Mechanism in Belarus, 1996–2000. *International Research Journal of Finance and Economics*. Issue 1. URL: www.eurojournals.com/. (accessed: May 25, 2025)
- Bruce C. 2002. The Gas Factor in Russian-Belarusian Relations. URL: www.demstar.dk./papers/Belarus/. (accessed: May 25, 2025)
- Davidonis R. 2001. The Challenge of Belarus, and European Responses. *Institute for Security Studies Western European Union*. July. URL: www.demstar.dk./papers/Belarus/ (accessed: May 25, 2025)
- Forbrig J., Lindner R., Marples D., Moshes A. 2010. Fall Belarus. Analysen, Interpretationen, Konsequenzen. *Osteuropa*. 12: 5–22.
- Marples D. 2008. Is the Russia-Belarus Union Obsolete? *Problems of Post-Communism*. Vol. 55(1): P. 25–35.
- Way L. 2005. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. *World Politics*. Vol 57(2): 231–261.
- Woehrel S. 2010. Belarus: Background and U.S. Policy Concerns. *Russia, China and Eurasia*. Vol. 27(2): P. 347–365.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.10.2025

Received October 29, 2025

Поступила после рецензирования 29.03.2026

Revised March 29, 2026

Принята к публикации 31.03.2026

Accepted March 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Веревкина Юлия Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Yuliya I. Verevkina, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of General History, Kursk State University, Kursk, Russia

 [ORCID: 0009-0006-8872-467X](https://orcid.org/0009-0006-8872-467X)